

ется необходимость стратегического партнерства, которое разрядит напряженность в отношениях между Москвой и Вашингтоном, расширит сотрудничество с Европой, а также может способствовать частичному привлечению стран Азии и Африки (с. XIV).

Касаясь августовского 2008 г. вооруженного конфликта Грузии с Россией, автор замечает, что помимо прочего он связан с новым российским внешнеполитическим курсом в Латинской Америке. По его мнению, «грузинский конфликт знаменует собой окончание периода “постхолодной войны”, но не возвращение к “холодной войне”, как пытаются представить некоторые исследователи» (с. 64).

В конце исследования автор констатирует, что «без сомнения, строительство прочных и долгосрочных отношений с Москвой представляет решающий вызов для Запада, и в особенности для Европы, так как полная интеграция российского пространства в международную систему представляется существенным фактором для поддержания стабильности и мира во всем мире» (с. 223).

*В.П. Любин*

## **НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ**

### **Международные отношения**

2011.01.016. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 1930-х ГОДОВ: ЗАКАТ И КРАХ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ. (Реферативный обзор).

*Ключевые слова: Европа, 1930-е годы, международные отношения, крах Версальско-Вашингтонской системы.*

В обзоре рассматриваются особенности международных отношений 1930-х годов в Европе и мире и, как следствие их, причины, приведшие к краху Версальско-Вашингтонской системы.

В предвоенное десятилетие начался новый этап международных отношений. Он характеризовался острыми конфликтами и образованием очагов военной опасности. Нарастанию негативных тенденций в международной жизни способствовали экономический кризис рубежа 1920–1930-х годов (так называемый Великий кризис), а также укрепление позиций праворадикальных организаций и

приход к власти в ряде капиталистических государств фашистских и милитаристских группировок. Великий кризис «уничтожил шаткую стабильность европейской политики, породил опасный дисбаланс в международных отношениях и социально-политическом устройстве европейских государств» и «открыл новую фазу в развитии Версальской системы» (3, с. 12–13). Говоря о Германии периода кризиса, польский историк Т. Шеффлер отмечает, что в 1929–1933 гг. в ней произошла «радикализация общественных настроений», стали преобладать «неприятные или даже враждебные Версальской системе взгляды» (9, с. 19).

В то время с новой остротой встала проблема выплат репараций. Экономический кризис, начавшийся в октябре 1929 г. с краха на нью-йоркской бирже, так «сильно затронул Европу, что поставил всех должников Америки в необычайно сложное положение» (6, с. 31). В связи с этим президент США Г. Гувер 5 июня 1931 г. провел переговоры со своими ближайшими соратниками и представил им проект моратория на все выплаты на время кризиса. Он предусматривал также связывание долгов с репарациями, чего в 1920-е годы американцы всячески избегали. Когда же стало очевидно, что экономическая ситуация в Германии резко ухудшилась и кризис коснулся Рейхсбанка, Гувер объявил годичный мораторий на военные долги. Самая острая реакция на это последовала со стороны Франции. Ее обеспокоенность была вызвана не только тем, что Вашингтон перед принятием моратория не проконсультировался с Парижем, но и тем, что «Германия теперь никогда не выполнит наложенные на нее платежные обязательства» (6, с. 32). Французы требовали от США гарантий выполнения плана Янга<sup>1</sup> и обещаний от Германии сохранить статус-кво в Европе и отступить от военных планов. Однако американцы «признали французские требования неприемлемыми» (там же).

Тем не менее в целях пропаганды мира и международного согласия в США действовал целый ряд международных организаций. Особые симпатии вызывала у американцев Лига Наций, которой были перечислены огромные пожертвования. В то же время США были страной, не ратифицировавшей Версальский мирный

---

<sup>1</sup> План Янга (автор – президент компании «Дженерал электрик» Д. Янг), утвержденный 20 января 1930 г., определял порядок взимания репараций. – *Прим. реф.*

договор, чему, по мнению польского историка Р. Новачевской, способствовали «возвращение к изоляционизму и стратегические ошибки Вудро Вильсона...» (8, с. 42).

Однако со становлением Версальской системы международных отношений стало очевидным, что США уже не существуют изолированно от Европы. Они оказались связанными с европейскими странами экономическими и прежде всего финансовыми отношениями. Вашингтон, в наибольшей степени выигравший от Первой мировой войны, начал претендовать на руководящую роль в мировой политике. Война создала благоприятные условия для экономического роста и улучшения финансового положения США. Они не понесли материального ущерба и разрушений, их людские потери были невелики. А поставки военных материалов, продовольствия и сырья для воюющих стран принесли Вашингтону прибыли, превышающие оценочную стоимость всех материальных разрушений в Европе. К началу 1930-х годов США стали ведущей державой мира по экономическим и финансовым показателям и проводили активную внешнюю политику, «возвращение к изоляционизму XIX в., когда США были страной с более слабым экономическим положением и ограниченными политическими амбициями, было невозможным» (6, с. 17)

В последнее предвоенное десятилетие развитие международных отношений зависело от расстановки сил и внешнеполитических действий великих держав. К середине 1930-х годов сложились три центра мировой политики: блок агрессивных государств (Германия, Италия, Япония), коалиция западных держав с демократическим государственным устройством (Англия, Франция, США) и Советский Союз, первое в мире социалистическое государство. Агрессивные государства выступали за коренной пересмотр послевоенной организации мира, западные же державы, напротив, являясь гарантами Версальско-Вашингтонской системы, противостояли планам агрессивных стран и исповедовали «основные демократические идеалы и ценности» (3, с. 13).

В 1930-е годы очень важное значение приобрела «советская проблема». На рубеже 1920–1930-х годов внутреннее и международное положение СССР ухудшилось, что заставило Москву, по утверждению белорусского историка Р. Лазько, «снова, еще на-

стойчивее, чем раньше, искать соглашения с Польшей...» (2, с. 5)<sup>1</sup>. Но уже к середине 1930-х годов СССР превратился в один из самых влиятельных центров мировой политики. Во внешнеполитической концепции СССР сочетались идеологические и геостратегические установки, поэтому советское руководство не видело принципиальной разницы между фашистскими государствами и буржуазными демократиями. Однако с 1933 г. оно стало отходить от внешнеполитической концепции мировой революции. На отношения СССР со странами Запада повлияли как традиционные факторы, так и перемены в международной и внутривосточной обстановке. Теперь советское руководство должно было учитывать раскол капиталистического мира на две коалиции – фашистскую и демократическую, определяющую роль антикоммунизма в политике всех западных держав, возрастающую угрозу мирового фашизма, политику «умиротворения» западных держав, их заинтересованность в расширении экономических связей и стратегического партнерства с СССР. Именно поэтому сталинским руководством был взят курс на достижение «дипломатического и военного соглашения с парламентскими демократиями с тем, чтобы не допустить создания единой коалиции капиталистических держав, направленной против СССР» (3, с. 18).

В противостоянии между западными державами и агрессивным блоком баланс сил склонялся в сторону последних. Они опережали своих соперников в темпах экономического роста и львиную долю своих бюджетов направляли на военные нужды.

В связи с этим большую роль играли проблемы разоружения, которые приобрели актуальность еще в начале 1920-х годов, после создания Лиги наций. Версальский мирный договор, на основе которого была создана Лига наций, отличался противоречивостью и содержал статьи, допускавшие пересмотр любых его положений. Весь мир жил тогда в страхе перед новой мировой катастрофой. Особое внимание вопросам разоружения уделяла Франция, а с изменением международной обстановки на рубеже 1920–1930-х годов они приобрели еще большую актуальность. В январе 1930 г. французы согласились с предложением англичан «вывести из ком-

---

<sup>1</sup> Советско-польский договор о ненападении был подписан в 1932 г. – *Прим. реф.*

петенции Совета Лиги Наций право войны» (10, с. 254). Но окончательно решить этот вопрос должен был особый комитет – «Комитет Одиннадцати», заседания которого проходили в Женеве 25 февраля – 5 марта 1930 г. Британцы опасались, что французы настоят на невыгодном для них решении, но оно так и не было принято.

Тем временем Германия провела первую пробную операцию на дипломатическом фронте – весной 1931 г. она заключила с Австрией соглашение о создании двустороннего таможенного союза. После этого министр иностранных дел Франции А. Бриан заявил о возросшей опасности для своей страны и подчеркнул важность доступности информации «как меры подготовки к приближающейся Всемирной конференции по сокращению и ограничению вооружений» (10, с. 258). 1931 г. не принес желаемого соглашения. Австралийский исследователь А. Вебстер отмечает, что для французских политиков разоружение являлось воплощением «конкретных обещаний военной поддержки против неспровоцированной агрессии» (10, с. 260). Долгожданная Всемирная конференция по сокращению и ограничению вооружений началась в феврале 1932 г. и завершила свою работу в июне 1934 г. Однако проблемы безопасности и разоружения остались нерешенными. Надежды французов не оправдались из-за противоречий с Великобританией, возросшей конфликтности в международных отношениях и вооруженной борьбы за передел мира.

Уже в начале 1930-х годов наметился переход от дипломатической к силовой ревизии Версальско-Вашингтонской системы. Первый очаг военной опасности образовался на Дальнем Востоке в связи с агрессией Японии против Северо-Восточного Китая. Начался так называемый «маньчжурский кризис». Японский «блицкриг» был успешным из-за отсутствия серьезного сопротивления со стороны Китая и попустительства западных демократий, надевшихся на военное столкновение Японии с СССР. Роль государства, взявшего на себя обязанность придать широкую огласку «маньчжурскому кризису» и способствовать его скорейшему завершению, исполняла Норвегия, хотя ее «шаги, предпринятые в этом направлении, были перечеркнуты действиями великих держав» (7, с. 34).

Главный очаг военной опасности в Европе образовался в связи с приходом к власти в Германии нацистов в январе 1933 г. В этом же году Германия вышла из Лиги наций и началось ее активное перевооружение. К моменту захвата власти нацисты уже обладали экспансионистской программой – программой «исследований восточных территорий для расширения жизненного пространства рейха...» (1, с. 276). А новая внешнеполитическая концепция Германии, разработанная А. Гитлером, включала в себя, в частности, отмену положений Версальского договора 1919 г. Она была направлена на снятие с Германии военных ограничений, воссоздание полной военной мощи и возвращение территорий, потерянных по Версальскому договору; «собираение немецких земель» и проведение «истинно арийской политики в Европе», превращение Германии в доминирующую державу в Центральной Европе путем аннексии или нейтрализации Австрии, Чехословакии и Польши; устранение такого потенциального противника как Франция; завоевание «жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация» (в том числе покорение европейской части России), разгром Англии и захват ее колоний, – таким образом превращение Германии в великую и непобедимую мировую державу, «тысячелетний рейх». Как отмечается в российской историографии, было широко известно, что «фюрер собирался реализовывать свои планы далеко не мирными средствами» (3, с. 14).

Т. Шеффлер отмечает, что первое время после прихода к власти в Германии Гитлера консервативная оппозиция внутри страны полагала, что с ним можно вести диалог и даже разделить власть. Оппозиционеры тоже выступали за реорганизацию мирового порядка, но отличными от нацистских средствами. Так, одна из предлагавшихся концепций нового мирового устройства предполагала «создание около “исторических” и “природных” интеграционных центров ряда региональных конфедераций» (9, с. 300). Но если в начале пребывания у власти А. Гитлер еще ощущал противодействие оппозиции, то после смерти президента П. фон Гинденбурга (1934) его «уже ничто не останавливало в проведении агрессивной политики и, в первую очередь, все усиливавшейся пропаганды против Советского Союза и коммунизма» (1, с. 277).

Другой очаг военной опасности появился вследствие присоединения итальянского диктатора Б. Муссолини к внешней полити-

ке германских нацистов. Как отмечает российский историк А.О. Наумов, «режимы, созданные Бенито Муссолини в Италии и Адольфом Гитлером в Германии, составляли основную угрозу для стабильности Версальской Европы» (3, с. 13).

Правительственные круги западных держав были вынуждены учитывать рост экономической и военной мощи агрессивных государств. В новых условиях «наилучшим способом отвести угрозу от собственной безопасности была признана политика умиротворения, целью которой являлось предотвращение большой войны посредством модернизации Версальской системы» (3, с. 147).

Одним из проявлений «соглашательской» политики Великобритании в отношении Германии стало заключение англо-германских морских конвенций, что было нарушением Версальского договора, налагавшего на Германию серьезные ограничения в области вооружений. Две морские конвенции были подписаны в 1935 и 1937 г. Им предшествовали напряженные переговоры, в ходе которых представители Германии настаивали на принятии баланса военно-морского тоннажа 100 : 35 в пользу Великобритании. Такое соотношение сил уже было бы крупной победой Германии. В июне 1935 г. будущий министр иностранных дел Третьего рейха И. фон Риббентроп на первых встречах с представителями британского Форин Оффис грозился прекратить переговоры, если Лондон не примет вышеуказанное «историческое решение» (4, с. 158).

Германия рассчитывала на то, что соглашения с Великобританией позволят ей вернуться в число крупнейших морских держав. И ей удалось сделать первые шаги в этом направлении, добившись принятия Великобританией своих требований. Но уже в 1938 г. Лондон в интересах собственной безопасности начал вносить изменения в заключенные с Германией соглашения. В частности, была изменена статья 25 конвенции 1937 г., по которой общее водоизмещение британских кораблей увеличивалось с 35 тыс. до 45 тыс. т. В целом же, как пишет Т. Хербер, Великобритания пошла на соглашения с Германией, желая пересмотреть версальско-локарнские договоренности, обеспечившие Франции приоритетное положение на международной арене, и для этого воспользовалась «негативным отношением Германии к Версалю» (4, с. 161).

Усилия Великобритании как гаранта Версальской системы «были сконцентрированы не на организации отпора агрессии

Третьего рейха, а на создании европейского фронта держав, направленного против СССР, который объективно набирал силу» (3, с. 30). Отсюда негативное отношение Англии к идее заключения регионального восточноевропейского пакта о взаимной помощи – так называемого «Восточного Локарно», выдвинутой Францией в ходе советско-французских переговоров 1934 г. Лондон рассчитывал избежать франко-русского союза с помощью начавшихся в регионе многосторонних переговоров. В результате стараний Англии, а также «враждебного отношения со стороны Германии, Польши и Финляндии к идее этого регионального пакта он так и не был осуществлен» (там же).

Во второй половине 1930-х годов соотношение сил между мировыми центрами менялось в пользу агрессивных держав. Это было связано с тем, что политика их «умиротворения» со стороны западных демократий, надеявшихся на столкновение фашизма с большевизмом, приобрела необратимый характер, а СССР не мог в одиночку противостоять фашистской угрозе. К тому же государства милитаристского блока, зная о слабостях своих потенциальных противников, закрепляли свои преимущества путём наращивания военной мощи. В октябре 1935 г. фашистская Италия развернула операцию по захвату Эфиопии. Но ее дипломатическая подготовка началась раньше – в январе 1935 г., когда Франция по «Римскому пакту» уступила Италии часть своих африканских колоний на подступах к Эфиопии. Реакция западных держав и Лиги наций на итало-эфиопскую войну с формальной точки зрения была жесткой, но по сути малоэффективной, что стало проявлением политики «невмешательства».

Параллельно с процессом изменения соотношения сил происходило формирование «оси Берлин–Рим–Токио». В октябре 1936 г. был подписан итало-германский Протокол о сотрудничестве (соглашение «Чиано-Риббентроп»), по которому Германия официально признавала захват Италией Эфиопии. В нем разграничивались сферы влияния на Балканах и в Дунайском бассейне, согласовывались планы совместных действий в Испании. 25 ноября 1936 г. Германия и Япония заключили «Соглашение против Коммунистического Интернационала». В ноябре 1937 г. к антикоммунистическому пакту присоединилась Италия. К этому времени Япония признала аннексию Эфиопии и высказалась в поддержку

итало-германской политики в Европе. Италия и Германия, в свою очередь, признали созданное японцами марионеточное государство Маньчжоу-Го и одобрили внешнеполитический курс Японии в Азии. Таким образом, возник блок Берлин–Рим–Токио, а «силы, стремившиеся сохранить статус-кво на континенте, уже не могли должным образом противостоять увеличивавшейся мощи деструктивных факторов» (3, с. 266).

В 1938 г. помимо Гражданской войны в Испании разразились два острых международных кризиса – «австрийский» и «чехословацкий». Главной причиной обоих было проведение в жизнь нацистской программы «собираания немецких земель». На секретном совещании 5 ноября 1937 г. А. Гитлер назвал в качестве важнейших внешнеполитических задач Германии захват Австрии и Чехословакии, чтобы «обеспечить фланги при возможном наступлении на запад». В сентябре 1938 г. Германия, Италия, Англия и Франция подписали Мюнхенское соглашение. По настоянию Гитлера от участия в конференции была отстранена жертва сговора – Чехословакия. А.О. Наумов пишет, что «это была уникальная конференция, похожая одновременно и на тайный заговор, и на хорошо отрепетированный спектакль» (3, с. 328). Чехословацкий посол в Берлине В. Мастны ожидал в приемной, когда заговорщики решат судьбу Чехословакии. Последняя «была низведена до положения страны, потерпевшей поражение от победоносной коалиции, заседавшей в основном зале» (там же).

Содержание Мюнхенского соглашения сводилось к следующим положениям: Чехословакия передавала Германии Судетскую область вместе со всеми находящимися на ее территории военными сооружениями, а чехословацкое правительство обязывалось в трехмесячный срок «урегулировать» вопросы, касающиеся польского и венгерского национальных меньшинств. Мюнхенское соглашение было победоносной сделкой для фашистских государств и позорной – для западных демократий. Оно «взорвало» Версальский миропорядок, фактически уничтожив версальско-локарнские договоренности.

1 октября 1938 г. Лига наций исключила из своего Устава статьи, касавшиеся Версальского договора, на основании которых она была создана. К этому времени Франция лишилась созданной ею системы безопасности в Европе и оказалась в военном и психо-

логическом плане зависимой от Великобритании. Перестали действовать франко-чехословацкий и чехословацко-советский пакты о взаимопомощи, распалась Малая Антанта, дезавуированы французские союзные договоры. Германия же в результате мюнхенского сговора начала превращаться в господствующую державу Европы, получив 20% территории, 25% населения и 50% тяжелой промышленности Чехословакии. Политика «умиротворения», которую проводили западные державы, привела к ослаблению их позиций. Наконец, возникла реальная опасность международной изоляции СССР, которого отстранили от участия в урегулировании «чехословацкой проблемы». Об этом свидетельствовали также подписанные в сентябре и декабре 1938 г. англо-германская и франко-германская декларации, равнозначные пактам о ненападении. Великобритания и Франция «решили уступить Центральную Европу Германии, дабы, как им казалось, предотвратить новую мировую войну» (3, с. 355).

Исследователь из Уэльса д-р Д. Хаккер отмечает, что с мюнхенского сговора «начался взлет французского пацифизма» (5, с. 432). Премьер-министр Э. Даладьё по возвращении из Мюнхена был встречен как герой. Хаккер считает, что причиной такой неожиданной реакции французов на мюнхенский сговор была газетная пропаганда положительных результатов голосования по нему и его восхваление. В частности, в этом преуспела газета «*Europe*» («Труд»), которая отмечала, что «4555 человек одобрили соглашение и только 193 проголосовали против» (5, с. 442).

Британцы же с восторгом встретили своего «героя» – министра иностранных дел О. Чемберлена. Его называли «апостолом мира», а сам он говорил о «триумфе английской дипломатии». Чемберлен рассматривал Мюнхенское соглашение и предшествовавшее ему англо-германское соглашение по военно-морскому флоту как символ желания англичан и немцев «никогда больше не вступать в войну друг с другом», и, как подчеркивается в российской историографии, Мюнхен стал для англичан «передышкой и надеждой» (3, с. 334).

Тем не менее последствия Мюнхенского соглашения оказались катастрофическими для всей Европы. Мюнхен, как пишет А.О. Наумов, «ускорил начало войны путем ослабления позиций западных демократий и усиления мощи Третьего рейха» (3, с. 344).

Центральная часть европейского континента оказалась под контролем Германии. Весной-летом 1939 г. фашистская Германия провела ряд агрессивных акций: ликвидировала Чехословацкую Республику, угрожая Литве, добилась передачи ей Клайпеды (Мемеля) с прилегающей территорией, заключила кабальный договор с Румынией. Ее союзница Италия оккупировала Албанию, Япония – острова Спартли и Хайнань. Версальская система, «созданная в 1919 г. усилиями Великобритании и Франции, вступила в эпоху агонии и краха» (3, с. 370).

Еще в ноябре 1938 г. (а затем в марте 1939 г.) немцы предъявили ряд невыполнимых требований Польше, ограничивавших ее суверенитет. Среди них – передача Данцига (Гданьска) Третьему рейху, согласие на строительство автострады и железнодорожной линии через Поморье в Восточную Пруссию и др. В Берлине «в свое время рассчитывали на союз с Польшей против СССР», но «к концу 1938 г. эти соображения давно устарели» (3, с. 351).

Первопричиной возникшего конфликта были общие стратегические установки Германии, нашедшие отражение в утвержденном 11 апреля 1939 г. плане «Вайс» – о вторжении в Польшу «в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.», с целью завоевания жизненного пространства на востоке Европы. В марте 1939 г. после оккупации Германией Чехословакии Англия заявила о гарантиях независимости Польши, стремясь остановить таким образом агрессию Гитлера. Однако 28 апреля 1939 г. Берлин денонсировал польско-германскую декларацию о ненападении 1934 г. и начал подготовку к войне.

Советскому правительству было известно, что Германия уже готовится к нападению на Польшу. Осознавая неизбежность войны и свою неготовность к ней, Советский Союз, оставленный за рамками Версальской системы, пошел на сближение с Германией, которая на протяжении всего межвоенного периода стремилась пересмотреть невыгодный ей Версальский договор. В 1930-х годах между СССР и Германией имелись контакты в военной области, но это была секретная сфера их взаимоотношений. Так, с 1929 г. под Казанью на территории бывших казарм Каргопольского полка действовала немецкая бронетанковая школа, для которой германские фирмы «Крупп», «Рейнметалл» и «Эрхарт» изготавливали легкие и средние танки, доставлявшиеся в разобранном виде в Казань (1, с. 90).

Безусловно, данное сотрудничество не было односторонним. И.В. Сталин стремился решить с помощью немецкой стороны ряд проблем внутреннего и внешнего характера: усилить обороноспособность Советского Союза, заполучить передовую боевую технику и вооружение для РККА, подавить оппозицию. Курс на сближение с Германией позволял ему «оказывать политическое давление на Англию и Францию, заставляя их учитывать в своей политике советские интересы» (1, с. 287).

Правда, характер советско-германских связей зачастую противоречил официально декларированной политике этих стран, что и вело к конспирации. Смысл секретных контактов между СССР и Германией, как отмечает российская исследовательница Ю.З. Кантор, состоял «в сохранении после прекращения военного сотрудничества определенных перспектив для возможного быстрого сближения (что и произошло в 1939 г.)» (1, с. 286).

23 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении (пакт Молотова–Риббентропа). К нему был приложен секретный протокол о разграничении сфер влияния в Восточной Европе, который предусматривал, что в случае территориально-политического переустройства земель, входящих в состав Польши, граница сфер интересов Германии и Советского Союза будет проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. По сути Москва и Берлин договорились о судьбе Польши, которая была неотъемлемой частью Версальской системы. Таким образом, две соседние великие державы объединились для борьбы против дискриминировавшего их версальского миропорядка. Однако, как пишет Ю.З. Кантор, «постепенная трансформация равноправного и взаимовыгодного военного сотрудничества 20-х годов в политику силового передела европейских границ в предвоенные годы не принесла выгод ни СССР, ни Германии. Агрессор и его будущая жертва, связанные пактом 1939 г., шли навстречу разрушительной войне» (1, с. 288).

1 сентября 1939 г. в соответствии с планом «Вайс» Германия совершила нападение на Польшу. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. Началась Вторая мировая война. Как заключает А.О. Наумов, «фюрер стремился уничтожить Версальскую Европу, рожденную на национальном унижении Германии, и создать на ее месте новый порядок», но, «звергнув Европу в ужа-

сающую войну, Гитлер не только не достиг своих целей и был отвержен, но и обрек Старый Свет на потерю лидирующих позиций в международной политике – позиций, которые Европа занимала более тысячи лет» (3, с. 373).

### Список литературы

1. Кантор Ю.З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. – М.: Питер, 2009. – 336 с.
2. Лазько Р. Крах Версальскай сістэмы ў Еўропе і аб'яднанне Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. – Мінск, 2009. – N 11. – С. 3–7.
3. Наумов А.О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны: История кризиса Версальской системы. – М.: РОССПЭН, 2007. – 415 с.
4. Hoerber T. Psychology and reasoning in the Anglo-German naval agreement, 1935–1939 // Hist. j. – Cambridge, 2009. – Vol. 52, N 1. – P. 153–174.
5. Hucker D. French public attitudes towards the prospect of war in 1938–1939: «Pacifism» or «war anxiety»? // French history. – Oxford, 2007. – Vol. 21, N 4. – P. 431–499.
6. Kiwerska J. Spór Ameryki z Europą o długie wojenne i reparacje, (1921–1932) // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2007. – R. 39, N 4. – S. 17–36.
7. Mageli E.I. A Real Peace tradition? Norway and the Manchurian Crisis, 1931–1934 // Contemporary europ. hist. – Cambridge, 2010. – Vol. 19, N 1. – P. 17–36.
8. Nowaczewska R. Wybrane amerykańskie fundacje a «budowa pokoju i postępu» w Europie w okresie międzywojennym // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2007. – R. 39, N 4. – S. 35–49.
9. Scheffler T. Europa po Hitlerze: Ład międzynarodowy w koncepcjach konserwatywnej opozycji w Trzeciej Rzeszy. – Wrocław: Wydaw. Uniw. Wrocławskiego, 2006. – 366 s.
10. Webster A. International arbitration, the pacific settlement of disputes and the French security-disarmament dilemma (1919–1931) // French history. – Oxford, 2010. – Vol. 24, N 2. – P. 236–261.

*О.В. Бабенко*

2011.01.017–018. РОССИЯ И США: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ XIX – НАЧАЛА XXI в. (Сводный реферат).

2011.01.017. САВОЙСКИЙ А.Г. Россия – США: 200 лет экономической дипломатии, (1807–2007). – Пятигорск: РИА-КМВ, 2010. – 704 с.

2011.01.018. САВОЙСКИЙ А.Г. Экономическая дипломатия современной России в отношении США на международной арене. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2009. – 368 с.